родственников, несколько оправился от страшного заболевания (буйное помешательство его сменилось тихим), но так и не вошел в новое окружение, продолжая жить «теми идеями и понятиями, которые вынес из сознательных лет своей жизни, и далее их не шел, ничего не заимствуя из современности, которой для него как будто не существовало».[16] Он почти забыл прежних своих близких друзей и знакомых (Гнедича, Вяземского, Жуковского, Тургеневых, Пушкина и др.), вспоминал о них в прошедшем времени, но единственным «сегодняшним» литературным воспоминанием для него остался именно Крылов. Вот характерные замечания из его «сумасшедших» писем:

Из письма к внучатой племяннице А. Г. Гревенс (лето 1849 г.): «Просите вашу маменьку прислать мне духов, деньги на покупку может занять на мое имя у Ивана Андреевича Крылова. Он знает, как я честно плачу то, что беру взаймы» (II, 587). Из письма к вологодскому знакомому П. И. Белецкому (28 сентября 1853 г.): «Льстивое письмо Ваше я получил, любезный Петр Иванович, при беспрестанном чтении моем на память у окна вологодской конторы народной басни Крылова „Лисица и Ворона"» (II, 589).

Естественно, что столь напряженный интерес к Крылову, определивший даже и ощущения душевнобольного, был связан с особенной ролью, которую играл Крылов в литературе его времени. Восприятие душевнобольного Батюшкова сродни восприятию младшим современником «дедушки Крылова», «народного» баснописца, ставшего своеобразным эталоном поэта и близкого человека, которого можно просить о чем угодно и который поможет и простит, ибо — «*дедушка*». В конце жизни Батюшков сам попал под обаяние той же легенды, в создании которой принял не последнее участие.

Впрочем, не только в конце жизни и не только в состоянии сумасшествия. Феномен «дедушки Крылова» возникает уже в письме Батюшкова из его пошехонской деревни Хантоново от мая 1817 г.; Батюшков описывает здесь антураж своей знаменитой элегии «Беседка муз»: «Я убрал в саду беседку по моему вкусу, в первый раз в жизни. Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю... руки сложа накрест. Сам Крылов позавидовал бы моему положению, особливо когда я считаю мух, которые садятся ко мне на письменный стол. Веришь ли, что очень трудно отличить одну от другой» (II, 440). «*Сам Крылов*» в данном случае высший авторитет, осознаваемый вполне серьезно:

Пускай и в сединах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных Граций,

---

[16] *Власов А С* Заметки о жизни К Н Батюшкова в Вологде С 151